

Марфа Муханова

ВОСПОМИНАНИЯ
ГОФМЕЙСТЕРИНЫ
О ДВАДЦАТИ ТРЕХ ГОДАХ,
ПРОВЕДЕННЫХ
В БЛИЖАЙШЕМ КРУГУ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
ОТ ЕЕ СВАДЬБЫ
ДО ДНЯ ССЫЛКИ

Моя ИМПЕРАТРИЦА

Марфа Муханова

**Моя императрица. Воспоминания
гофмейстерины о двадцати трех
годах, проведенных в ближайшем
кругу Александры Федоровны
от ее свадьбы до дня ссылки**

«Центрполиграф»

1918

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Муханова М.

Моя императрица. Воспоминания гофмейстерины о двадцати трех годах, проведенных в ближайшем кругу Александры Федоровны от ее свадьбы до дня ссылки / М. Муханова — «Центрполиграф», 1918

ISBN 978-5-227-11346-7

Рассказ гофмейстерины российской царицы о жизни монаршего двора охватывает более двух десятилетий. Она служила Александре Федоровне от ее замужества до дня ссылки. Обязанности выполняла далеко не чисто почетные. На ее плечи ложилась ответственность за организацию быта, под ее присмотром находились не только личные драгоценности венценосной госпожи, но и украшения, принадлежащие короне, когда они надевались по торжественным случаям. Она осуществляла контроль за всем, что было связано с парадной и повседневной одеждой царственной персоны, на службе которой состояла, проверяла оплату ее личных счетов и решала много других хозяйственных вопросов. Об этом ее воспоминания, полные интересных деталей, неизвестных фактов и ярких событий, которыми ей было не дозволено делиться во время службы при дворе даже с близкими и родными. Впервые издается на русском языке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-227-11346-7

© Муханова М., 1918

© Центрполиграф, 1918

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марфа Муханова
Моя императрица. Воспоминания
гофмейстерины о двадцати трех
годах, проведенных в ближайшем
кругу Александры Федоровны
от ее свадьбы до дня ссылки

Marfa Mouchanow

My Empress

Twenty-three years of intimate life with the empress of all the Russias from her marriage to the day of her exile

Пер. с англ. *Е.А. Мордашева*

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, «Центрполиграф», 2026

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2026

Глава 1

Мое назначение

При русском дворе было принято, или, скорее, существовал обычай, не позволявший принцессе, выходящей замуж за императора, привозить с собой фрейлин из своей страны. Я полагаю, что этот обычай соблюдался и при иностранных дворах, по крайней мере в прежние времена. Поэтому, когда стало известно, что Николай II, в ту пору еще наследник русского престола, стал женихом прекрасной принцессы Аликс Гессенской и собирается привезти невесту в дом своих родителей, возникли многочисленные предположения, и среди многих, считавших себя достойными чести стать приближенными будущей императрицы всея Руси, разгорелись страсти.

Конечно, выбор фрейлин, предназначенных ей прислуживать, в определенной степени зависел от воли правящей императрицы, а последняя считала, что не стоит окружать невестку женщинами, не говорящими ни на каком другом языке, кроме русского. Ею был представлен список дам, которые, как считалось, подходили на эту должность, и в этот список без моего ведома было внесено мое имя.

Обязанности гофмейстерины царицы были далеко не чисто почетными. Конечно, придворная дама не должна была выполнять никакой черной работы, но при этом она должна была вести себя предельно сдержанно, избегать любых сплетен, не иметь близких друзей или родственников, которым могла бы поддаться искушению довериться, и, кроме того, на ее плечи ложилась значительная ответственность, поскольку под ее присмотром находились не только личные драгоценности ее венценосной госпожи, но и принадлежащие короне (когда они надевались), контроль за всем, что было связано с туалетом принцессы, на службе которой дама состояла, оплата ее личных счетов и так далее. Под ее началом служили еще восемь фрейлин, обязанности которых заключались в удовлетворении потребностей принцессы, но они не проявляли инициативы и были полностью от нее зависимы, должны были подчиняться ей и слушаться всех ее указаний. Для получения такой придворной должности нужно было иметь определенный ранг, или «чин», как это называется по-русски, и, вероятно, тот факт, что мой муж, умерший незадолго до свадьбы Николая II и Александры Федоровны, был полковником, сыграл свою роль в том, что мое имя фигурировало в списке женщин, считавшихся подходящими для должности, которую мне предстояло занять.

Как известно, прибытие принцессы Аликс в Россию было поспешным из-за болезни царя Александра III, знавшего, что находится при смерти, и желавшего увидеть будущую невестку прежде, чем испустит последний вздох. Великая княгиня Елизавета, жена великого князя Сергея, старшая сестра принцессы, отправилась навстречу ей в Варшаву и привезла ее в Ливадию, в Крым, куда она прибыла примерно за три дня до кончины императора. По прибытии ее встретили со всеми почестями, подобающими невесте наследника престола, однако сопровождавшие ее поездку обстоятельства были настолько печальными, что не могли не произвести на нее болезненного впечатления и усугубить естественную меланхолию ее характера, которая и так уже выразилась достаточно резко, чтобы вызывать беспокойство у окружающих ее людей.

Бранные останки Александра III с большой помпой доставили обратно в Санкт-Петербург, где вместо торжественного въезда, обычно совершаемого в столицу невестами русских императоров в золотых каретах в сопровождении пышных церемоний, принцесса Аликс прибыла в траурном экипаже, укутанная складками креповой вуали. Никто ее не заметил, общий интерес публики обратился к вдовствующей императрице, чье горе было жалко наблюдать. Молодая девушка, которая вот-вот должна была занять место последней на российском престоле, чувствовала себя совершенно потерянной и одинокой в новом окружении, и, казалось,

никто не заботился о ней и не беспокоился о том, что ее ожидает. В то время многие считали, что ее свадьба будет отложена до окончания траура по Александру III, и надеялись, что произойдет еще что-нибудь, что ей помешает. Этот союз не пользовался популярностью, и ни придворное общество, ни народ не радовала мысль о том, что немецкая принцесса разделит трон с их новым монархом. О нем уже тогда знали, что ему решительно недостает характера, и многие опасались, что благодаря влиянию, которое могла бы оказать на его умонастроение жена, главным при русском дворе станет великий князь Сергей, женатый, как я уже упоминала, на сестре принцессы Аликс. А великий князь был самым ненавистным и непопулярным человеком во всей стране.

Однако вмешательство семьи решило иначе, и, отчасти благодаря усилиям принца и принцессы Уэльских, прибывших в Санкт-Петербург, чтобы поддержать императрицу Марию в час ее скорби, было решено совершить свадебную церемонию нового царя как можно скорее, посему для этого выбрали 26 ноября 1894 года, день рождения вдовы Александра III.

Все это время я не видела свою новую госпожу. Считалось, что у нее слишком много дел, чтобы знакомиться со своим будущим окружением, и лишь за три дня до свадьбы меня наконец представили ей во дворце великого князя Сергея, где она проживала с момента приезда в Санкт-Петербург.

Мое первое впечатление было таким: высокая хрупкая девушка с прямыми удлинненными чертами лица, классическим профилем и прекрасной фигурой без малейших признаков склонности к полноте, которая впоследствии все испортила. У нее были светлые волосы, сиявшие на солнце, как золото, хотя временами казались совсем темными, в зависимости от падающего на них света. Самой ущербной чертой на ее почти безупречно красивом лице был рот. Его твердое выражение даже тогда могло быть неприятным, а подбородок был явно тяжелым. Но в целом она производила впечатление восхитительной женщины. Глубокий траур, который она носила, ей очень шел и подчеркивал естественную белизну ее прекрасного лица, и мне, помнится, подумалось, что я никогда не видела никого прекраснее этой девушки, которой предстояло стать моей императрицей.

Она говорила со мной очень мало, а то, что сказала, было произнесено тихим, сдавленным голосом. Казалось, она испытывала страх при мысли о том, что ей придется находиться в обществе незнакомых людей, и попросила меня узнать ее привычки у горничной, с которой она расставалась, чтобы я могла руководить женщинами, которым предстояло прислуживать ей в будущем. Но когда я попросила ее позволить мне приступить к своим обязанностям немедленно, она возразила, сказав, что в день ее свадьбы у меня будет достаточно времени.

Это оказалось неудобным во многих отношениях, потому что было очень трудно следить за множеством деталей неизменно сложного свадебного туалета, тем более императорского, и принимать решения за совершенно незнакомым человеком. Согласно этикету, великая княгиня (этот титул принцессы Аликс получила в день перехода в православие) должна была переодеваться в Зимнем дворце, где ее ждали не только восемь фрейлин, но и все фрейлины вдовствующей императрицы и вся ее собственная будущая прислуга, а также драгоценности, которые она должна была надеть. В комнату, специально отведенную для этой цели по этикету, доставили золотой туалетный прибор императрицы Анны Иоанновны, всегда доставаемый для таких, и только для таких событий, и расставили его на столе, пригласив принцессу за него сесть. Затем вдовствующей императрице принесли предназначенную для императорских свадеб бриллиантовую корону, и по правилам церемонии она должна была надеть ее на голову невесты. Но произошел непредвиденный инцидент. Не нашли парикмахера, который должен был закрепить корону и свадебную фату, никто не знал, где он, и никто не мог его заменить. Наконец выяснилось, что один не в меру усердный полицейский, посчитав его пропуск недействительным, отказался впустить его в Зимний дворец. Прошел целый час, прежде чем это выяснилось, и на это время свадьба оказалась отсрочена, к удивлению тысяч людей, собрав-

шихся в различных комнатах и залах императорской резиденции, чтобы стать свидетелями этого события.

В течение этого томительного часа принцесса неподвижно сидела перед зеркалом, не произнося почти ни слова, но со слезами на глазах, которые она, однако, мужественно пыталась скрыть. Вокруг нее суетились люди, пытаясь привлечь ее внимание, но она, казалось, их не замечала и просто ждала и ждала с тем терпением, которое, как я узнала позже, было отличительной чертой ее характера.

Наконец ввели парикмахера, разгоряченного и взволнованного, и он быстро надел бриллиантовую диадему на голову молодой невесты, которую мы принялись облачать в длинную мантию из золотой парчи, подбитую горностаем, которую она должна была надеть поверх белого платья. Когда она была готова и предстала перед нами в ожидании начала процессии, направлявшейся в часовню, мы все ахнули. Никто из нас никогда не видел никого прекраснее ее в том обличье, как она предстала перед нашими глазами, и действительно, в последующие годы я никогда не видела Александру Федоровну такой великолепной, как в то серое ноябрьское утро, когда она выходила замуж за царя всея Руси.

Глава 2

Первые месяцы семейной жизни царицы

В результате спешки, с которой праздновалась царская свадьба, не было времени заранее подготовить подходящие апартаменты для царя и его невесты ни в одном из императорских дворцов ни в Санкт-Петербурге, ни в Царском Селе. Последний город с самого начала рассматривался в качестве будущей резиденции молодой пары как любимое место нового монарха. Однако Александровский дворец, единственный более или менее соответствовавший требованиям современной жизни, пустовал со смерти императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, и нуждался в полной реконструкции. Зимний дворец также нуждался в ремонте и не отвечал требованиям в особенности потому, что молодая императрица выразила желание обставить свои будущие апартаменты заново в соответствии с собственными вкусами и представлениями. В результате первые месяцы супружеской жизни молодожены провели в Аничковом дворце, резиденции вдовствующей императрицы, в небольших покоях, которые Николай II занимал еще холостяком. Эти комнаты не годились совершенно, места в них не хватало даже для гардероба невесты, лишенной, кроме того, собственной гостиной и вынужденной всякий раз просить комнату у свекрови, когда хотела кого-нибудь принять.

Конечно, это было для нее неприятно, и я добавлю, что с самого начала это поставило ее в ложное положение, которое она остро ощущала. С ней обращались как с ребенком, и никому на ее месте такое положение вещей не понравилось бы. В первые недели ее брака, когда весь двор еще был в глубоком трауре по покойному царю, это, возможно, не имело такого большого значения, как позже или при других обстоятельствах, но все же это было неприятно. Вдовствующая императрица была по-своему такой же властной личностью, как и ее невестка, поэтому две дамы вскоре оказались в сильной оппозиции и, хотя и не признавали этого, очень устали друг от друга. Через шесть недель после свадьбы Александра Федоровна уговорила мужа вместе съездить на неделю в Царское Село, и, когда она вернулась в Санкт-Петербург, я обнаружила, что в ее манерах и осанке произошли значительные перемены, большая часть ее прежней неуверенности и застенчивости исчезла. Она начала самостоятельно, не посоветовавшись со свекровью, принимать решения по некоторым вопросам, о чем раньше и не мечтала бы, и организовала свою личную жизнь по своему усмотрению. Первые изменения касались услуг ее фрейлин, и однажды утром она позвала меня к себе, чтобы подробно их обсудить, отказавшись выслушать некоторые замечания, которые я сочла своим долгом высказать ей.

На мой взгляд, было бы лучше подождать, пока мы не покинем Аничков дворец, прежде чем менять правила, регулирующие гардероб молодой императрицы, но мои замечания не были приняты благосклонно, и мне самым категоричным образом приказали подчиняться данным мне указаниям, что я, конечно же, и сделала, но не без сомнений в своевременности изменений, внесенных в распорядок жизни моей императорской госпожи.

Среди прочего, молодая императрица избавлялась от ненужных платьев. Их было множество, поскольку ей преподнесли необычайно богатое приданое. Однако все или почти все эти платья были траурными или полутраурными, и Александра, казалось, спешила от них избавиться. У нее были собственные представления о своем гардеробе, и она обычно сама делала наброски одежды, которую заказывала. Следует признать, что у нее не было хорошего вкуса, но она заботилась о нарядах и стремилась как можно чаще обновлять свой гардероб. Иногда перед ее глазами раскладывали три или четыре платья, прежде чем она наконец делала выбор. Она считала, что, как монархиня, должна одеваться с большим величием с самого раннего утра, и презирала простые сшитые на заказ костюмы, которые, напротив, так нравились ее свекрови. Последняя была самой хорошо одетой женщиной в империи, но она никогда не придавала

особого значения своей одежде и придерживалась большой простоты в повседневных нарядах, берегла для торжественных случаев парижские творения, которые ей постоянно присылали. В таком маленьком доме, как Аничков дворец, слуги, конечно же, знали все, что происходило, и между горничными обеих императриц ходило много сплетен, причем фрейлины молодой императрицы жаловались фрейлинам вдовствующей императрицы на придирчивость их госпожи в отношении ее туалета. Эти сплетни выходили за пределы комнат прислуги и способствовали формированию репутации капризной женщины, которую Александра Федоровна приобрела почти сразу после замужества, репутации, которая впоследствии так сильно навредила ей в общественном мнении.

Сейчас я убеждена, что, если бы у императора и императрицы с самых первых дней супружеской жизни был собственный дом, этого бы удалось избежать, потому что не было бы возможности для сплетен прислуги. Как бы то ни было, вдовствующая императрица пару раз делала замечания невестке по поводу того, что она слишком много суетится по поводу своей одежды, что, конечно, было воспринято очень негативно. И Александру Федоровну горько возмутил намек на то, что, находясь в Дармштадте, она не осмелилась бы проявлять такой капризный нрав. Все это были сущие пустяки, однако они оказали значительное влияние на дальнейшую жизнь моей госпожи.

Императрица питала невероятную любовь к красивым мехам и тратила значительные суммы на приобретение новых и самых дорогих экземпляров. За это ее тоже упрекали и говорили, что в ее приданом достаточно мехов, так что не было необходимости постоянно покупать новые. Ее называли расточительной, и, возможно, не без оснований, хотя в ее любви к красивым вещам не было ничего чрезмерного; конечно, счета из ателье Уорта, Пакен и других известных портных были меньше половины тех, что прежде оплачивала ее свекровь. Впрочем, последняя всегда была фавориткой, и петербургское общество с улыбкой относилось ко всему, что бы она ни делала или ни говорила.

Одной из моих обязанностей было заботиться о драгоценностях императрицы. Она получила несколько великолепных и дорогих свадебных подарков от своих родственников в Англии и России, и особенно от императора, который, среди прочего, подарил ей корону из жемчуга и бриллиантов, которую вместе с несколькими чудесными сапфирами он купил в Лондоне, когда навещал ее там во время их помолвки. Она любила их носить и поначалу даже не задумывалась о том, что ей придется отложить их в сторону ради гораздо более роскошных украшений. Но очень скоро после ее замужества возник вопрос о царских драгоценностях, которые должны были предназначаться правящей императрице. Во время царствования Александра III императрица Мария хранила их у себя, и по завещанию император предоставил ей право пользоваться ими на протяжении всей ее жизни. Однако оказалось, что он не имел права ими распоряжаться, и вполне естественно, что после смерти царя казначейство потребовало их вернуть. Но его вдова упорно отказывалась их отдавать, и последовали болезненные сцены, которые приняли такие масштабы, что Александра Федоровна, в конце концов, заявила, что со своей стороны она никогда не согласится носить спорные украшения и ее свекровь может их забрать и держать сколько угодно. Однако это было невозможно, и в итоге драгоценности были возвращены в сокровищницу, откуда их иногда доставали и с особыми церемониями передавали мне для использования моей госпожой в торжественных случаях. Но императрице они никогда не нравились, и она избегала их надевать, предпочитая свои собственные украшения. Она заявила, что большая тиара с жемчугом и бриллиантами, которая со времен Екатерины II украшала голову всех российских императриц, была слишком тяжелой. Мне кажется, я не видела, чтобы она носила знаменитое ожерелье стоимостью двадцать миллионов рублей чаще четырех-пяти раз, хотя оно, напротив, было одним из любимых украшений вдовствующей императрицы. В последний раз это историческое украшение было замечено на публике на балу в феврале 1915 года, устроенном дворянством Санкт-Петербурга по случаю трехсотлетия вос-

шествия династии Романовых на престол Рюриковичей. Это также было последнее появление императрицы Александры на публике, за исключением религиозных праздников.

Всякий раз, когда она решала надеть какое-либо из этих казенных украшений, я должна была отправить записку с уведомлением о ее намерении главному казначею, отвечающему за хранилище царских бриллиантов и драгоценностей. Затем он вызывал эскорт из трех солдат караула, дежуривших в Зимнем дворце, и в окружении их приносил мне предметы, которые я просила его доставить. Я должна была за них расписаться, а как только императрица их снимала, сообщить об этом тому же казначею, после чего он немедленно приходил с другим эскортом, чтобы их забрать, одновременно возвращая мне подписанную мною несколькими часами ранее расписку. Сложности, связанные с этой процедурой, были одной из причин, по которой императрица не хотела носить эти украшения и они были ей безразличны. Она предпочитала постоянно пополнять свои личные шкатулки с драгоценностями и вскоре стала обладательницей одной из самых замечательных коллекций драгоценных камней в Европе. Жемчужины были ее особыми фаворитами, и император, зная об этом, неизменно их ей преподносил в дополнение к различным ожерельям и другим украшениям из жемчуга, а два придворных ювелира, Болин и Фаберже, получили постоянный приказ привозить в Царское Село каждый прекрасный экземпляр, который им доставался, прежде чем показывать его кому-либо еще из своих клиентов.

Страсть императрицы к постоянному приобретению новых украшений также вызывала горькие упреки, и одна из ее тетушек, великая княгиня Мария Павловна, отнюдь не добрая и милосердная, как-то раз назвала это «ип gout de parvenue»¹.

В те первые дни супружеской жизни между императрицей и ее свекровью возникла еще одна причина разногласий. Она была связана с порядком молитвы в церкви за обеих дам. Вдовствующая императрица настаивала на том, чтобы ее имя шло первым, сразу после имени ее сына, монарха. Но министры и даже Священный синод возражали и заявляли, что, по обычаю, мать должна стоять после жены. В конце концов возобладало мнение Синода. Но у Александры Федоровны, которая глубоко интересовалась этим вопросом, не хватило ума скрыть свою радость по поводу того, какой оборот приняли события, что, конечно, способствовало напряженным отношениям, которые вскоре установились между ней и вдовой Александра III.

В те первые дни супружеской жизни моей госпожи в Аничковом дворце не воцарилось гармонии, и неудивительно, что с течением времени атмосфера становилась все более недоброжелательной. Она чувствовала, что ею пренебрегают, и ничего не предпринимала для того, чтобы угодить тем, кого подозревала в умышленном унижении. У нее было болезненное желание угождать, сочетающееся с природной надменностью, что делало ее не только чувствительной к отвержению, но и жаждущей за него отомстить. Она не хотела, чтобы ее отталкивали родственники, и все же сама способствовала этому своим безразличием ко всем тем, кто мог бы ей помочь. Она не понимала петербургского общества; она считала его аморальным и развратным и не скрывала этого, без нужды пренебрегая людьми достаточно сильными, чтобы причинить ей серьезный вред своими суждениями и оценками ее поведения и личности. Недоразумения, которые привели к ее будущей непопулярности, начались с первых же часов ее приезда в Россию.

Однако со своими служанками она всегда была добра и обходительна, хотя и держалась отстраненно. Только по прошествии многих лет у нее возникло ко мне доверие, зато оно было абсолютным, и иногда она позволяла себе поддаваться в моем присутствии приступам уныния, которые иногда ею овладевали и во время которых, я совершенно убеждена, она не полностью отвечала за свои поступки. Ум, всегда склонный к меланхолии, заставлял ее смотреть на вещи с самой мрачной стороны, и это отчасти объясняет склонность к мистицизму, которую

¹ Манера выскочки (*фр.*).

она развила в себе позже и которая больше всего способствовала катастрофе, приведшей ее к ссылке в сибирское захолустье. Она никогда не отличалась уравновешенностью, и, оценивая ее, нельзя забывать, что безумие было наследственным в доме Гессенских, о чем знали многие в России, но императорская семья, похоже, оставалась в неведении. Обладая определенной чувствительностью, она не могла избавиться от предрассудков, которым была склонна следовать без какой-либо причины, кроме каприза, а предрассудки относятся к числу тех вещей, которые государи никогда не должны допускать в отношении тех, с кем они могут случайно встретиться или кем они окружены. Но при этом она была милой, нежной, доброй и совестливой; идеальной матерью, самой преданной женой, верным другом, неспособной на подлость или предательство, но по своей природе обреченной на то, чтобы ее всегда неправильно понимали и никогда не ценили так, как следовало бы. Среди помпезности и великолепия, окружавших ее, она чувствовала себя одинокой, чувствовала себя изолированной и, хотя по прибытии в новую страну нашла множество родственников и придворных, не встретила ни одного бескорыстного друга, которому могла бы доверять или к которому могла бы обратиться за советом и защитой. Величие ее положения как бы выводило ее за пределы светского общества, и, к сожалению, это величие настолько ее подавляло, что она даже не пыталась преодолеть воздвигнутые им вокруг нее барьеры, отделявшие ее от остального человечества.

Глава 3

Рождение великой княжны Ольги

Тягостная зима, последовавшая за женитьбой царя, наконец осталась позади, а его юная жена так и не появилась на публике. Дамы, видные представительницы петербургского общества, были представлены ей во время пышного приема, который она устроила в Зимнем дворце, но это представление состояло лишь в том, что они проходили перед ней с реверансом, в то время как ее обер-гофмейстерина, княгиня Голицына, шептала ей на ухо их имена. Она ни с кем не разговаривала, и, конечно же, никто не разговаривал с ней, а учитывая влияние, которое этот прием оказал на ее отношения с тем обществом, которым ей предстояло руководить, он с равным успехом мог бы и не состояться. Правда, были и несколько пожилых дам, чьи мужья занимали высокие государственные должности, которых императрица принимала на частных аудиенциях, но эти встречи, как правило, были недолгими и состояли из обмена несколькими банальностями в форме разговора. По-французски императрица говорила плохо, а английский в то время не был модным языком высшего общества, как это имеет место в настоящее время. Недоброжелатели комментировали ошибки, допущенные молодой монархиней в употреблении французских идиом, и высмеивали их. Она осознала этот факт, и это глубоко ранило ее, а также усугубило природную неуверенность в себе. В первые дни замужества Александра Федоровна все еще стремилась к популярности, но делала это неуклюже и опрометчиво. Она боялась, что ее назовут прогермански настроенной, и поэтому преувеличивала проявления дружелюбия по отношению ко всем и всему, что связано с Францией, до такой степени, что ее обвиняли в недостатке откровенности, если не сказать резче. То же самое было и с ее симпатиями к самодержавному режиму. Во время ее замужества люди надеялись, что ее влияние на мужа приведет к тому, что он дарует России ту конституцию, о которой все мечтали в течение многих лет. Но императорская семья с самого первого часа ее прибытия в страну повторяла ей, что ее долг – отстаивать принципы того самодержавия, которые Александр III так успешно поддерживал на протяжении всего своего правления. Она приняла этот плохой совет и, опасаясь показаться противной ему, попыталась убедить царя в том, что ему следует публично заявить о своих намерениях править в соответствии с принципами, которые вдохновляли его покойного отца. Отчасти ей это удалось, но попытка была неудачной, потому что знаменитая речь Николая II перед земствами, где он подтвердил свою решимость править деспотически и охарактеризовал чаяния своего народа как бессмысленные мечты, больше всего способствовала тому, что он вместе со своей супругой стал самым ненавистным и непопулярным правителем России за всю историю.

Поэтому первую зиму, в которую принцесса Аликс превратилась в императрицу всея Руси, нельзя было назвать счастливой. Летом двор по обычаю отправился в Петергоф, и переделки, к этому времени начавшие производиться в Царскосельском дворце, были ускорены, поскольку в ноябре юная императрица должна была в первый раз разрешиться от бремени, и было решено, что ожидаемое с таким трепетом и нетерпением семейное событие должно состояться там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.